

"Как не благословлять судьбы..."

В.И.Даль. Письма к сестре из Оренбурга, 1836 год

Г. МАТВИЕВСКАЯ, И.ЗУБОВА

1836-м годом датируются три письма В.И.Даля к Паулине Ивановне Шлейден. 7 марта Владимир Иванович сообщает сестре о том, что тремя днями ранее в его семье появился второй сын. Этот мальчик, названный Святославом, к сожалению, проживет недолго. "Развитие в нем было слишком раннее, - напишет впоследствии Екатерина Даль, - это был курчавый, белокурый ребенок с умными синими глазенками, всегда поднятыми к небу". Вероятно, так вспоминал о Святославе отец. К этому времени уже решился вопрос о переводе в Оренбург зятя, П.О.Кистера, мужа сестры Александры, о чем Даль и сообщает Паулине.

Письмо содержит весьма резкую характеристику редактора журнала "Библиотека для чтения" Сенковского, издавшего со своими исправлениями "Сказку о Георгии Храбром и волке", сюжет которой "подарил" Далю А.С. Пушкин. Кроме того, здесь упоминается о только что написанной Далем "Памятной книжке для нижних чинов Императорских казачьих войск" - сборнике правил, регламентирующих службу и жизнь казака, написанных в простой, доступной форме.

ОРЕНБУРГ, 7-ГО МАРТА.

Имею честь поздравить: прибыл казак, 4-го марта в 8 часов утра. Такой же молодец, как и Ленька, который зовет его: "мой баць"; т.е. мой братец. Жена совсем здорова.

Сперва о деле: если Кистер еще у вас, то скажи ему вот что: Перовский, вопреки просьбе моей и сам от себя, представляет, чтобы Кистера перевели сюда в Оренбург на то же самое место, которое он занимает пока в Астрахани; об этом я ничего не знал, а услышал от него, когда уже дело было сделано. Из ..... в ... отказали; на это уже Перовский писал, с сегодняшней почтой, и просил, чтобы его перевели по артиллерии или по армии, и дали ему по особым поручениям. Это и должно вскоре последовать. Когда Кистер будет сам здесь, то может занять первую вакансию, и теперь уже немало, так что, кажется, место найдется. Это все, что я знаю, и, уполномочен будучи самим Кистером (ом), дал на это свое согласие.

(Ширяев) на письмо мое не отвечал ничего; или ему некогда, или он одумался. Шиловского очень помню и люблю; не понимаю только, чего он от меня хочет в отношении ботаническом - я очень плохой ботаник и этим теперь не занимаюсь вовсе. Если придет к вам - кланяйся; он добрый малый, и спроси, где теперь "... - Троицкий, товарищ его.

Неужели вы только 10 рублей должны вам?...

"Георгий Храбрый", сказка моя, напечатана в "Библиотеке", но опять с такими исправлениями, что они меня вывели из терпения; я написал к Смирдину и требую, чтобы он отдал все рукописи мои и не печатал бы ничего моего в Библиотеке. Сенковский этот подлый, самолюбивый и нахальный человек, который оседлал теперь Смирдину и делает, что хочет.

Я написал, по поручению начальства, "Памятную книжку для казачьих войск". Я очень любопытен, как это получилось и как ее примут. Это народная книжка, написанная простым языком, в которой излагаются все правила и обязанности казака.

Жена, подле которой я сижу и пишу, кланяется; она весела и здорова; (ей) уже гораздо лучше, чем в

первый раз, хотя и тогда было недурно.

Между тем надо кой куда сходить (за делом) и за бездельем - а все таки надо - и время уйдет; пора (кончать). Прощай; погоди немножко. Напишу более.

В.Даль.

Следующее письмо было написано летом, во время отдыха на кочевке В.А.Перовского. Мы приводим его с небольшими сокращениями. В письме высказывается тревога за мать, которая уже некоторое время живет в Оренбурге, не очень сдружилась с невесткой и порывается вернуться в Астрахань к дочери Александре. Но в этом нет смысла, поскольку Александр уже решился. Настроение матери тревожит и огорчает Даля.

Однако в письме есть и приятные новости. Во-первых, работа над упоминавшейся уже в письмах "Памятной книжкой для нижних чинов Императорских казачьих войск" успешно закончилась, книжка получила одобрение императора, издана, распространена.

Во-вторых, Даль получил поручение написать аналогичную книжку для солдат, только это уже должно быть не просто изложение правил службы, а занимательное чтение, которое будет развивать, просвещать, обучать не только военному делу, но и расширять кругозор, воспитывать патриотические чувства. Речь идет, вероятно, о будущей книге "Солдатские досуги".

Упоминается также о том, что несмотря на разногласия с Сенковским, редактором журнала "Библиотека для чтения", он не вернул Далю рукопись повести "Бикей и Мауляна", и повесть эта скоро увидит свет именно в этом журнале.

4 ИЮНЯ 1836. РЕЧКА БЕЛЕГУШ, БАШКИРИЯ.

Не до писем было; а я виноват перед тобою, и перед (Шиловским), и перед многими; сегодня отправлено вдруг до девяти писем!! Мы теперь на летней кочевке, в горах, живем (весело) в балаганах и кибитках; жена моя, маманька и дети в 30 верстах отсюда, у помещика адъютанта губернаторского Балкашина; вчера жена с детьми приехала ко мне, погостит; она раза четыре заболела лихорадкой (...), но теперь здорова и в деревне очень поправилась. Дети тоже. Не знаю, нравятся ли маманьке у нас, довольна ли она - кажется, не совсем; Бог знает, как это так сделалось - и я и жена все готовы для нее сделать, но, может быть, не умеем, делаем не ладно, не во время. Мне, признаюсь, кажется, будто она с самого начала не совсем любила жену мою, которая право любит ее всею душою, но, может быть, не умеет это показать. Как это странно и нехорошо на свете, что иногда добрые, хорошие, благомыслящие люди не могут сойтись без всякой вины и причины.

Впрочем, это одна догадка с моей стороны и речей об этом не было никаких. Между тем она все порывается в Астрахань и я не знаю, как быть; Перовский говорит, что это было бы весьма неосновательно, если бы я ее отправил или увез туда, чтобы ей взад и вперед проездить; (слишком дорогая дорога) потому что перевод Кистера сюда ожидается с недели на неделю. Клейнмихель уехал, до сентября, в отпуск, и это может задержать дело; но (все говорят) не благоразумно ехать теперь в такой дальний путь с тем, чтобы воротиться опять через несколько месяцев; дорога трудная, дальняя и хлопот и расходов было бы много. Другое дело, если бы

Кистер оставался там, тогда бы я (ее) не держал ни дня.

Памятная книжка моя, о которой ты спрашиваешь, удостоилась полного Высочайшего одобрения и распространена во все казачьи войска; кроме того, поручено мне написать еще нечто подобное, более (простое) в виде... народного чтения для солдат. Это мне очень приятно; и это занятие, за которое я взялся бы охотно и с большим чувством самоуверенности; в этом роде я могу быть полезен.

"Мауляна" моя, хотя я три раза писал, чтобы ее отдала назад, но напечатана в "Библиотеке" и скоро выйдет...

(Далее в письме - о трудностях публикации. Благодарность за хлопоты. Сообщение о том, что "еще раз убедился в удивительной, истинно чудесной действительности гомотопии").

Прощай, будь весела и здорова, как мы.

В.Даль.

Третье письмо за 1836 год датировано четвертым ноября. Здесь содержатся невеселые сведения о здоровье бабушки и брата Павла, но общее настроение письма жизнеутраченное: Даль собирается вместе с Перовским в командировку в Петербург, и хотя ему несколько тревожно за жену, которая надолго останется одна с маленькими детьми, он рад предстоящей поездке, скорым встречам с сестрой, петербургскими родными, друзьями. Это та самая командировка, во время которой произойдет роковая дуэль Пушкина...

В этом письме между прочим упомянуто и о покупке дома. Как писала в своих мемуарах Екатерина Даль, покупка эта совершилась случайно. "Он никогда не думал покупать себе дома, но какой-то отъезжающий до тех пор приставал к отцу, купи да купи у меня дом, что в самом деле купил, (альманах "Гостиный Двор", № 1, 1995 г., с. 143).

1 НОЯБРЯ (1836)

"Ты пиши, папа, - говорит сын мой, сидя у меня на плечах, - а я отвезу письмо тете Пальвине" - т.е. Паулине.

Нет, чуть ли я сам его не отвезу, или по крайней мере посажачу вскоре за ним в погоню - так, я еду скоро в Питер и еду один, жена не решается покинуть ребятишек. Я еду с Перовским, по делам, иначе бы гораздо охотнее остался здесь, как быты! а несмотря на все уверения Юлии, думаю, что ей очень грустно будет здесь, а (матери) ее и вдвое того жаль. Как быты! Надобно стараться как можно скорее воротиться и я думаю, что в феврале, коли не раньше, непременно поспею назад. Рад я увидеться с вами, и с петербургскими друзьями, приятелями и родичами - а все жаль покидать месяца на три жену - не для себя, я не встоскуюсь. Да ей будет тошно; и дом, и хозяйство, и люди, и дети - а хозяина нет; хлопот и неприятностей куча!

Мне позволять приостановиться у вас на несколько дней, пусти меня в комнату Эдмунда, мы с ним уживем-

ся. Потолкуем кой о чем - да опять разведемся! Подумаешь - я теперь в таком достатке, относительно житейского быта - что мне, право, по совести остается только изливать молитву свою чистою благодарностию, просьбы у меня нет, кроме: продли нынешнее наше положение. А между тем - сколько мелочных, суетных, пустых, но докучных хлопот, ни дня без досады! Как быты! Зато прогулявшись да воротившись - заживешь вдвое уютнее и веселее, как душа потянется на свой очаг. В гостях хорошо, дома лучше! Жена сделала при этом одно только условие: чтобы весной не держать ее ни под какими предложениями, а отпустить куда-нибудь в деревню. Ей летом так душно и скучно в городе, что мочи нет; в деревне каждый раз она молодеет душой и телом.

Маманька теперь живет у нас много привольнее, по крайней мере своя комнатка, отдельная, в стороне. Не знаю, скоро ли будет сестра, ждем, но (ее мужу) еще не приехал на смену Бабарыкин, а там пойдет сдача.

Ты же знаешь, что мы живем в своем доме: дом хорош и мы очень довольны покупкой.

Теперь у меня до вас просьба: у меня нет теплого плаща; здесь носил я тулуп, лошадиный (чепрак) и проч., там этого нельзя будет; надо известить. Ген. Циолковский, который все знает, посоветовал мне купить в Москве песочный лапчатый мех; самый лучший стоит 120 руб. Мех дешев, прочен и хорош. Ц. посылает меня в большой ветошный ряд, в лавку Ефима Ломова, уверяет, что лавка эта одна из найдешевейших и что меха хороши. Посылаю 200 руб.; Нельзя ли просить Эдмунда, чтобы он построил это? Шубу подберут там же, в лавке, а воротник я привезу с собою. Покроить ее сукном рублей в 10-12, какого цвету (неважно), не маркого. Проси об этом Эдмунда, я ему спасибо скажу. Если может быть дешевле тридцати, то пусть возьмет сукна вал, небольшую штучку, и справит мне также легкий плащ; и этого у меня нет, оно и кстати. И остаток пригодится мне. Впрочем, виноват, камлотовый плащ лучше; я его могу справить в Питере. Летнего не шейте. Посылаю 200 рублей.

Письмо от брата Павла привезу лучше сам. Не совсем хорошо, не совсем и худо; так будем надеяться и - Господь с ним!

У меня теперь все хорошо; Да и маманька вполне здорова. О бедной бабушке чай слышала? Слегла, сердечная, в эти лета - чтобы промучиться и проживет долго, но не встанет! Костолом (...) развился в высшей степени и она одна не может и повернуться!

Все горе да горе кругом - как не благословлять судьбы, пока у меня все так хорошо?

Прощай, до свидания. Я привезу П. Петровичу впрок шитый сертучок; мягкая, теплая вещь; может быть, станет он носить ее, выходя на фабрику и пр. У нас здесь весь город в них ходит. Не продует! Прощай! В.Даль.

ГОРЬКИЙ